

Научный текст в контексте культуры

АНДРЕЙ СТОЯНОВИЧ
(Белград)

1. Характерным аспектом современного теоретического языкознания является рассмотрение языка в тесной связи с культурой¹ и историей его носителей. Язык понимается не как автономный феномен, изучаемый и рассматриваемый «в самом себе и для себя» (как у сторонников сосюрговских традиций), а как некоторое постоянно меняющееся во времени и пространстве структурное целое, составляющее непосредственную действительность существования определенной этнической общности – носителя данного языка (Гамкрелидзе 1991: 9). Это свидетельствует о переориентации исследователей на речеведческий аспект (Кожина 1998: 10).

С середины 60-х гг. вопрос о связи языка и культуры неоднократно поднимается в зарубежной литературе, особенно в кругу лингвистов, решающих проблемы преподавания английского языка как иностранного. Исходя из этнолингвистических² работ Э.Сепира и Б.Л.Уорфа, Р.Капланом акцентируется связь языка, культуры и «риторики» (Kaplan 1966), утверждается, что в разных культурах при оформлении письменного сообщения используются разные риторические модели, отличающиеся «логикой»,

1 Имеется в виду расширительное значение термина (в более узком смысле *культура* – сфера духовной жизни людей).

2 Ср.: «Согласно гипотезе Сепира–Уорфа, логический строй мышления определяется языком. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект» (ЛЭС: 443). Критика этой гипотезы исходит из того, что «форма и категории мышления одинаковы у всех народов, хотя язык оказывает известное регулирующее влияние на процесс мышления» (*там же*).

которая (как культурный феномен) варьируется от культуры к культуре. Так, английская риторическая модель характеризуется, по мнению того же автора (*там же*), прямолинейной логикой изложения, тогда как в романских языках (испанском, французском) и русском наблюдается тенденция к более-менее значительным экскурсам, отклонениям от основной темы повествования. Выводы эти сделаны Р.Капланом на основании анализа письменных сочинений (600 работ), сделанных студентами-иностранцами на неродном (английском) языке (констатируется интерферирующее воздействие культурных, риторических моделей родного языка студентов-иностранцев на английскую риторическую модель).

В поле зрения зарубежных языковедов и лингвистов оказываются и вопросы изучения связи письменной научной речи и культуры³. Полезной в данной области оказывается информация, представленная в книге Брукса и Гранди (1990). Здесь попутно комментируется тезис об универсальном характере научного мышления и дискурса (добавим – и этики⁴), высказывается мнение о том, что ученых, принадлежащих к разным культурам, роднит общая основная квалифицированность, а также общее мировосприятие, так что главная задача пишущего на каком-то иностранном (например, английском) языке практически сводится якобы к прямому переводу с одного языка на другой (1990: 33–34). Однако исследованиями Риджента и Клайна показано, что «культурные различия имеют место даже в естественных науках» (Цит. по: Brookes and Grundy 1990: 34).

В лингвистических описаниях, проводимых для целей обучения иностранным языкам, широкое распространение получила т.н. *контрастивная*⁵ *риторика* (термин Р.Каплана). Именно в русле этого

3 Связь языка (речевого общения) и культуры (социокультурного контекста) не следует смешивать или отождествлять с комплексом отношений между обществом и культурой речи. О социолингвистическом методе рассмотрения культуры речи см., напр., Изинг 1977.

4 Об универсальных этических принципах и нормах, значимых для всех категорий ученых, см.: Головин 1997: 473.

5 Основоположителем т.н. контрастивной риторики считается Р.Капкан, который в рамках грамматики текста специально занимался изучением структуры параграфа в английском языке (сопоставительно с семитическими, восточными, романскими языками, а также русским). Данную сферу исследований автор определяет следующим образом: «My topic is contrastive rhetoric: that is, I am concerned with the notion that speakers of different languages use different devices to present information, to establish the relationship among ideas, to show the

направления проводились сопоставительные исследования научной письменной коммуникации в контексте культуры (изучение О.Риджентом статей по медицине в английском и французском языках; М. Клайном акцентируются различия в текстах немецкого и английского языков; М. Ст. Джон занимается сопоставлением испанского и английского – см. Brookes and Grundy 1990: 32–33).

В русистике немало современных работ⁶ посвящено именно проблемам языка в контексте культуры, а также литературы в контексте культуры, человека в контексте культуры и т.д. Применительно к научной речи сюда можно отнести (правда, это имеет второстепенное значение для целей нашего рассмотрения) и проблематику терминологической лексики, так как «процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях⁷» (ЛЭС: 481). Отметим, однако, что в отечественной⁸ лингвистике собственно исследования связи речевого

centrality of one idea as opposed to another, to select the most effective means of presentation» (Цит. по: Brookes and Grundy 1990: 32). Напомним, что контрастивную риторiku (в концепции Р.Каплана) не следует смешивать с развивающейся в славянских странах сопоставительной стилистикой.

- 6 См., напр.: Пискунова С.И., *Литература в контексте культуры*, Москва 1986; Человек в контексте культуры. Славянский мир, Москва, 1995; Сафонова В.В., *Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций*, Воронеж 1996; *Русский язык в контексте культуры*. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та. 1999. См. также: Кожина 1998: 10.
- 7 Как известно, существует обширная литература по вопросам заимствования, включая терминологию. Применительно к научной речи мы лишь попутно отметим, что в истории терминов и терминологий важную роль имеет и фактор «культурные связи». Ср.: Т.Л. Канделаки, *Семантика и мотивированность терминов*, Москва, 1977, с.8. О культурном воздействии английского языка на терминологию хинди см.: В.М.Бескровный, *Очерки функциональных стилей хинди*, Москва, 1984, с. 112–128; о влиянии русской терминологии на образование сербской терминологии в области материаловедения см.: С.Радић, *Особенности руског и српскохрватског научно-теhnичког језика у области науке о материјалима, са посебним анализом утицаја руског језика на формирање српскохрватске терминологије у овој области*. Докторска дисертација, Загреб, 1982, с.152–157. Поскольку заимствование слов в первую очередь относится к традиционной лингвистике (сфера лексикологии, социолингвистики, языковых контактов ЛЭС: 158–159, 237), проблематика лексических заимствований в задачи настоящей работы не входит.
- 8 Если условно отодвинуть на задний план традиционный интерес к ономастике, иноязычной лексике (заимствованиям), отечественная наука в основном обращает внимание на лингвокультурологический (страноведческий) аспект методики преподавания иностранных языков. Ср.: M.Ridjanović, *Odnos jezika i kulture kao problem u nastavi*

общения и культуры только начинаются. В настоящей статье ставится цель – вычленив (на материале научных текстов⁹ сербского и русского языков) универсальный механизм воздействия¹⁰ социокультурных факторов на текстовую деятельность в научной сфере общения. Прежде чем перейти к практическому анализу отдельных «моментов высказывания» (термин М.М.Бахтина 1986: 318), необходимо уточнить исходные теоретические представления (методологические ориентиры), значимые прежде всего для стилистики текста (включая сопоставительный¹¹ аспект последней) как дисциплины речеведческого плана.

1.1. Обратимся сначала к весьма распространенному понятию «культура», которое как контекст для изучения языка/речи в той или иной степени представляет интерес для множества дисциплин речеведческого плана (социо- и психолингвистика, теория речевых актов, прагматика, лингвистика текста, функциональная стилистика и некоторые другие – Кожина 1998: 12). Поскольку общепринятого определения культуры не существует (т.е. оно зависит от подхода исследователя к этому феномену), необходимо коротко остановиться на отдельных элементах теорий культуры, возникших в ходе развития этнологии¹².

stranih jezika, „Živi jezici”, Beograd, 1965, VII, 3–4, s.75–82; R.Djordjević, Kultura kao faktor u nastavi engleskog jezika, „Strani jezici”, Zagreb, 1972, I, 4, str.253–262; M.Čanadanović, Poznavanje kulture i učenje engleskog jezika kao stranog, ELTI, Beograd, 1974, IV, 1, s. 8–12; Пејовић Н., Страноведение – део наставе руског језика као страног, Настава и васпитање, Beograd, 1977, 2–3, с.229–235; Pavuna S., Elementi kulture i civilizacije u nastavi ruskog jezika, „Strani jezici”, Zagreb, 1978, 3–4, s. 160–163; Tanović I., Lingvokulturološka komponenta u nastavi ruske leksike, „Putevi i dostignuća u obrazovanju i vaspitanju” 1980, XVII, 2, s.36-44; сб. Jezik i kultura u nastavi stranih jezika, Zavod za udzbenike i nastavna sredstva, Beograd, 1982.

9 Термин *научный текст* употребляется в настоящей работе значении: все письменные жанры научного стиля (статья, монография, учебник и др. – Троянская 1982: 7).

10 В системах, обладающих способностью самоорганизации, речь идет не столько о воздействии и взаимодействии, а скорее – *взаимосодействии* (Stojanović 1999).

11 Применение (в стилистике текста) сопоставительного способа представляется перспективным, поскольку он в силу своей внутренней логики обязательно «запускает» социокультурный фон рассматриваемых языков, на котором всплывают сходства и различия в употреблении языковых средств.

12 Считается, что этнология изучает: материальную культуру народов; ритуалы, обычаи, верования различных народов; системы родства у различных народов; системы родственных кланов; социальную и политическую структуру народов (семейные отношения, отношения власти); поведенческие системы, присущие разным народам; системы воспитания присущие разным народам; взаимосвязи и взаимозависимости

В широком смысле «культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов» (ФЭС 1997: 229). «Культура – по Фрейдю – вся сумма достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни животных предков и служащая целям защиты от природы и урегулирования взаимоотношений. Зиждется на двух началах: на овладении силами природы и на ограничении человеческих влечений. Есть и еще одно ее основание: принуждение к труду» (Цит. по: Головин 1997: 249–250).

Культура, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постанковка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа ... данного народа. Уровень и состояние культуры можно понять, только исходя из развития истории культуры ...» (ФЭС: 229). – Выделено нами. – А.С. В узком смысле культура – «сфера духовной жизнедеятельности общества, включающая систему образования, воспитания, духовного творчества» (СЭС 1998: 151).

Как мы видели выше, язык и письменность (значит, и текстовая деятельность) являются частью, сферой культуры. Наряду с этой констатацией для целей нашего рассмотрения необходимо сделать некоторые добавления и оговорки.

различных компонентов культуры одного народа; сравнение комплекса культурных черт различных народов: динамику культурных черт того или иного народа (культурные изменения); психологические особенности различных народов; системы жизнеобеспечения различных народов; их адаптацию к природной среде; сравнение ценностных систем этносов; сравнение картин мира различных народов; сравнение систем значения и моделей восприятия различных народов; особенности межкультурных контактов; этногенез; причины возникновения и распада этносов; расселение народов; демографические процессы, происходящие в этносах; экономическое поведение членов того или иного этноса; этнолингвистику; этносемиотику; становление и развитие традиций; проблемы этничности и этнических групп (Лурье 1998). Список может быть продолжен и расширен. Но он и без того достаточно велик, для того, чтобы убедиться — проблемное поле этнологии очень широко. Первое, что бросается в глаза, это то, что многие из перечисленных предметных областей изучаются и другими науками, предметные поля как бы пересекаются. Особенно это касается следующих дисциплин: этнографии, политологии, культурологии, социологии, антропологии.

Особо акцентируем положение о том, что «связи между языком и другими компонентами культуры носят двусторонний характер» (ЛЭС 1990: 481).

Другое существенное добавление связано с акцентированием различия понятий «речи» (речевой системности) и «языка» (системы языка). Таким образом, взаимосвязи между языком и социокультурным контекстом (внешней средой) носят опосредованный характер. Это нетрудно понять, если учесть, что в процессе «функционирования языка в речи во внешней среде, в речевой деятельности и общении человека происходит не только реализация системы языка, но и формирование иного рода системности – речевой» (Кожина 1998: 19). Отсюда можно сформулировать и нашу рабочую гипотезу: способностью вступать в непосредственную связь с компонентами культуры обладает не язык¹³ (код), а отлитая в жанровые формы речь (включая ее результаты – речевые произведения).

1.2. Таким образом, исходя из приведенной гипотезы, перед исследователем письменной научной речи (произведений) стоят по крайней мере два любопытных вопроса: 1. Что представляет собой зона непосредственного контакта письменной научной речи и внешней среды и где эта зона локализована? 2. Какими узловыми механизмами, формирующимися в данной зоне, внешняя среда (социокультурный контекст) оказывает воздействие на письменную научную речь?

Ответ на первый вопрос может быть только один: зона эта называется зоной (письменного) речевого жанра (бахтинские вторичные речевые жанры); она локализована в пределах динамической структурной модели, которая может воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений.

Решение второго из поставленных вопросов связано как с предварительным принятием ответа на первый вопрос, так и принятием соответствующего определения жанра. Определение это (точнее, одна его часть) гласит: «жанр – это апробированная, закреплённая традицией форма речевого воплощения функции практического назначения содержания произведения, в жанрах реализуется цель высказывания и, соответственно, практическое назначение языка» (Брандес 1990: 40).

Как видно из процитированного определения, выражением «закреплённая традицией» внушается «технология» кристаллизации жанровых форм с

13 О различении языка (кода) и речи, а также способах познания языка через речь см.: Кожина 1998: 14–18.

акцентированием социальной природы жанрового формообразования. Это обстоятельство в значительной степени помогает вычлениить лишь один из универсальных механизмов воздействия культуры на речевое общение. Механизм этот у нас носит название «традиции». Подводя итог сказанному, следует лишний раз напомнить, что речь (включая письменную разновидность научной речи), которая отливается в жанровые формы, не только индивидуальна, но и социальна (Кожина 1998: 18). Социальная природа речи (жанровых форм) гармонирует с природой механизма традиции. Поскольку традиция (применительно к текстовой деятельности) расценивается нами как универсальный узловый механизм взаимодействия речевого общения и социокультурного контекста (культуры), перед практическим анализом языкового материала следует специально остановиться на понятии «традиция», рассматривая его в аспекте этнологическом.

1.2.1. Традиционалистика на Западе нередко использует понятие «традиция» только в узком смысле, близком к понятию ритуал; иногда оно понимается как совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т.е. это все то, что не было уничтожено, выброшено и разбито. В данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого. Для российских культурологов, в отличие от подавляющего большинства их западных коллег, представление о неподвижности традиции всегда было нонсенсом (Лурье 1998). Так, по Маркаряну, культурная традиция является универсальным механизмом, предназначенным для «селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии», причем без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима ...» (Маркарян 1981: 87). Иначе говоря, традиция для Маркаряна – это опыт¹⁴ общественной жизни.

В отдельных случаях имеет место приравнение традиции к культуре. Так, К.В. Чистов писал: «термины *культура* и *традиция* в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее – почти синонимичны. Термин *культура* обозначает сам феномен, а *традиция* –

14 Традиция была определена в целом как "механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы. Традиции включают в себя процесс и результаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей" (Абрамян 1978: 93). Таким образом, традиция понимается как один из механизмов изменения общества.

механизм его функционирования. Проще говоря, традиция, это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация¹⁵ опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся” (Чистов 1981: 106).

«Традиция может меняться в ответ на изменение внешних обстоятельств, проецировать происходящие изменения в обществе, в котором они перед тем практиковались. Традиции меняются потому, что обстоятельства, которым они адекватны, меняются» (Shils 1981: 257–258).

«Любая традиция, это бывшая инновация, и любая инновация, в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией» (Арутюнов 1989: 160). Для российских авторов (Лурье 1998) традиция – феномен принципиально динамичный и саморазвивающийся.

Итак, традиция – это нечто, находящееся в постоянном движении, изменении, и источник этого движения, по всей вероятности, в ней самой: «динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процесса социальной самоорганизации» (Маркарян 1981: 80–81).

1.2.2. Возвращаясь к рассмотрению проблемы социокультурной обусловленности научного текста (аспект интерпретации), возникает вопрос о взаимосвязи традиции (опыта общественной жизни) и жанра. Именно речевые жанры (в концепции М.М.Бахтина 1986: 256) характеризуются тем, что они «более непосредственно, чутко и гибко **отражают** все происходящие **в общественной жизни** изменения. Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути

15 В наше время интервалы действия стереотипизированных форм опыта стали несравненно короче и система их значительно усложнились (имеются в виду различия в проявлениях культурной традиции в прошлые и современные эпохи – Лурье 1998).

жанрово-стилистического испытания и обработки» (Выделено А.С.). Отсюда ясно, почему именно в недрах жанра (и/или стиля) протекают важнейшие языковые процессы, главный из которых стереотипизация (специализация языковых средств). К тому же, по Бахтину, в каждую эпоху «во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях ...» (с. 283); имеет место и относительно жесткая «жанровая нормативность» («отношение слова и его значения к жанру, то есть к типическим высказываниям» с. 282).

Связь традиции (стереотипизации текстовой деятельности) и жанра нередко рассматривается в аспекте жанровых конвенций. Под конвенциями подразумеваются «как решения, типичные для нехудожественных высказываний ..., так и повторяемые литературно-художественные решения» (Войтак 2000: 48).

Лишний раз отметим, что речевые жанры (с узаконенной традицией оформления словесного произведения) для говорящего субъекта имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему. «Жанровые формы, будучи продуктами 'социальной природы', являются культурными ценностями, информативность которых ограничена общими характеристиками. Так, название *фельетон* создает у человека общее представление о содержании этого жанра, т.е. его назначении, его внутренней конструкции, а также той реакции, которую он должен вызвать» (Брандес 1990: 40–41). Жанры «соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» (Бахтин 1986: 282).

Таким образом, традиция – это один из универсальных (динамических) механизмов воздействия социокультурного контекста на речевое общение (жанр, жанровое формообразование) в любой социальной сфере коммуникации. При помощи этого механизма в рамках речевых жанров реализуется связь настоящего с прошлым, совершается определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся.

2. Не имея возможности давать анализ объемного материала, ограничимся двумя-тремя иллюстрациями, почерпнутыми из сербской и русской научной литературы.

Как известно, проявление самооценки в речевой деятельности ученых (их научном творчестве) весьма закономерное явление, так как оно обусловлено глубокой преемственностью знания, единством научной мысли и научной речи при получении нового знания. И в этом, кажется, нет ничего особенного. Однако суть проблемы выражается не в том, что в научных текстах самооценка вообще проявляется, а в том, **как** проявляется и *чем* это обусловлено. Вопрос **как** представляет интерес именно для стилистики.

Как уже указывалось (Стоянович 1998), определенные жанровые разновидности (напр., научная¹⁶ статья) весьма чувствительны к привнесению в текст личностного, особенно в случае отражения завышенной самооценки. Сравнивая попутно проблему выражения авторского «я» и принижения других людей (корректности обращения к адресату) в филологических работах двух близкородственных (славянских) языков, отметим, что в русском подобные вопросы почти сняты с повестки дня как несколько неактуальные. Иначе говоря, в русской научной прозе «естественное» употребление «я» не допускается (делаются небольшие исключения лишь для выступлений полемического и остро дискуссионного характера).

В сербском языке – наоборот – на страницах международного филологического журнала к читателям обращаются с таким эгоизмом, что лишь в одной относительно краткой фразе (размещенной непосредственно в основном тексте повествования) насчитывается рекордное (восьмикратное/девятикратное) количество сигналов о личности автора:

«У **своме** раду *Плава боја као лингвистички проблем* (који је објављен 1994. на страницама Лужнословенског филолога, а затим **прештампан у Ивић** 1995) **ја сам**, покушавајући да **реконструишем** развојни пут израза *лав* у српском језику, **пошла** од претпоставке... Да је у прадавним временима било управо тако како **сам претпоставила**, потврду **ми је** прибавио, неочекивано, **сам језик**» (Цит. по: Стоянович 1998: 86).

16 Совершенно ясно, что жанр статьи относится к формам с открытой, свободной структурой. Он может реализоваться как некое множество форм (обзорная, методическая и т.п. статья – Брандес 1990: 40). Разумеется, статьи полемического и остро дискуссионного характера исключаются из нашего анализа.

Кроме личностной (эксплицитной) манеры изложения (местоимение¹⁷ *ja* + глагол; местоимение *ja* + глагол + местоимение *себе*; форма I л. ед. ч. глагола; притяжательное местоимение *мој*), сербская филологическая статья нередко характеризуется навязчивыми ссылками на собственные работы, а также самоцитированием. Так, выступая одновременно главным редактором сборника и автором отдельной статьи, конкретный автор настолько «забыл» об этике¹⁸ ученых (ему почему-то показалось недостаточным лишь сослаться, как это принято, на свою работу), что стал прямо цитировать свои собственные слова, ср.: «Упрошљено речено, да се подсетимо (Радовановић 1993а:111): „Значи, мораш прво ...“» (примеры заимствованы из: Стоянович 1998).

На фоне преобладающей в настоящее время неличной манеры повествования (особенно в современных сербских научно-технических журналах) вышеприведенные примеры могут восприниматься, с одной стороны, как явный анахронизм, а с другой – как произвол некоей формальной или неформальной социальной группы (объединенной на основе прагматической пользы¹⁹) при попытке самоприписывания якобы «престижности», «элитарности».

Нам кажется, что главными причинами²⁰ такого низкого уровня коммуникативной компетенции в сфере письменной²¹ речи (нарушение норм научного стиля, жанровых конвенций) является комплекс факторов: (1) следование прежним традициям (сохранение того, что было характерно для научного стиля в прошлом; например, использование местоимений 1-го лица

17 О социолингвистическом аспекте проблемы, «местоимениях силы и солидарности», перенесении на одну из лингвистических форм социальных ценностей см.: Лабов 1976: 20–21.

18 Псеудонаучная манера изложения «jest ... nie tylko kwestią kultury języka, ale także moralna» (Gajda 1990: 113).

19 С точки зрения социальной психологии интересно рассмотреть отношения в малых группах «редактор – автор», «рецензент – автор», «редактор – рецензент – автор», «авторитетный профессор – ученик-последователь» и т.д.

20 В данном случае при интерпретации недостаточно сослаться на языковой аспект «исполнения» социальных ролей, на шаблоны взаимных прав и обязанностей (Крысин 1976: 42–43).

21 Ср.: «Письменный язык несомненно имеет чрезвычайно большое значение для регулирования многих процессов в жизни общества. Он является динамически действующим фактором в культурном развитии всего общества, поэтому владение им со знанием и соблюдением норм по праву считается обязательным для всех, кто использует письменную форму языка» (Изинг 1977: 221).

ед. ч.), (2) национально-культурные (напр. непотические) и общезыковые традиции (напр. фаворизация имплицитной языковой нормы, и поэтому отсутствие даже обыкновенного нормативного грамматического пособия по сербскому языку, отсутствие современных нормативных словарей), (3) модификации, зависящие от полиграфической традиции того или иного журнала (издательства), (4) традиционное сознание (менталитет) народа. (5) полное отсутствие либо ограниченная степень редакторской правки, (6) весьма низкий уровень развития сербистики и скромное ее значение в жизни югославского общества и др.

Бросается в глаза, что перечисленные социокультурные факторы, обуславливающие речевое общение в сфере науки, так или иначе можно свести к общему знаменателю – традициям.

В данном случае (см. приводимые иллюстрации) «ячество» в научном творчестве является характеристикой сербской лингвистической школы в целом, начиная с ее авторитарного основоположника А.Белича, его авторитарных учеников (напр., М.Ивич) вплоть до молодых учеников-последователей М.Ивич (напр., М.Радованович). Именно на таких «эготических» традициях воспитывались и воспитываются поколения филологов-сербистов (и не только), тогда как в российской культуре наблюдается несколько иная картина (более строгое соблюдение норм научного стиля – Троянская 1982: 263). Более того. Российский автор с устоявшимся научным авторитетом и высоким должностным статусом (напр., академик П.К.Анохин) может на протяжении нескольких десятилетий (с 1935 по 1973 гг.) работать над созданием фундаментальной теории, добиться этой цели, эксплицировать теорию в своей программной статье²² (объем свыше 50 страниц), причем абсолютно без каких бы то ни было навязчивых эготических сигналов. Почему? Очевидно, имея в своем распоряжении факты, рациональную систему аргументации, ученому нетрудно проявить свою творческую индивидуальность²³.

При исследовании научной речи в сопоставительном (русско-сербском) плане следует учитывать и фактор «различная степень редакторской правки». Для сербского языка и культуры показано (Стоянович 1996: 15; Стоянович 1998: 94–95), что отдельные авторы современных сербских

22 Имеется в виду статья *Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем* (1973).

23 Как отмечалось, «специфика проявления индивидуального в научном стиле состоит в том, что она строго ограничена нормами стиля» (Троянская 1982: 263).

филологических статей могут одновременно в своих произведениях и (1) принижать других людей и результаты их деятельности, и (2) проявлять неадекватные формы эгоизма в речи, и (3) навязчиво ссылаться на свои работы (вплоть до самоцитирования), и (4) строить, нередко, свое исследование на приемах «наугадной» методологии либо психологии пропаганды, и (5) вносить в жанр научной статьи иностранные элементы (областные слова, архаизмы, обиходно-разговорные элементы и др.), и, наконец, (6) упрекать других в неграмотности, допуская в эту же минуту явную орфографическую (лексическую, грамматическую) либо стилистическую ошибку. Такое вполне возможно при полном отсутствии либо ограниченной степени редакторской правки, причем на фоне издательского nepотизма. Комплексное ощущение, возникающее у читателей (интерпретатора) при встрече с анализируемыми текстами, мы называем эффектом «завышенной авторской самооценки». Последний входит в общее понятие «незапланированного» коммуникативного эффекта. Наоборот, в русской культуре «научное произведение обычно проходит неоднократное редактирование, в процессе которого оно значительно улучшается» (Троянская 1982: 261–261).

Отдельно отметим проблематику типографических традиций (в сопоставительном плане), которая может рассматриваться в аспекте проявления культурных стереотипов. Как известно, в каждом языке сложились определенные способы организации письменного текста – способы размещения его компонентов, способы изображения букв, слов, предложений, и эти способы могут выступать как стилистические приемы, придающие дополнительную информацию письменному тексту.

Одна из групп графических средств (напр., пунктуация) является лингвистическим образованием и подчиняется языковым нормам, вторая группа (различные шрифты, типографическая краска и т.д.) – не лингвистична, хотя и способствует эффективности речевого общения в письменно-фиксированной форме (Брандес 1990: 299). Так, по нашим наблюдениям, традиционные способы выделения текста в научно-технической литературе русского и сербского языков различны: в русском превалирует²⁴ *разрядка*, тогда как в сербском предпочтение отдается *курсиву* и жирному шрифту.

24 Имеется в виду только советский период. С внедрением в издательское дело компьютерной технологии различия в употреблении средств типографической выразительности в рассматриваемых языках значительно сглаживаются.

Остановимся, наконец, на одном ярком примере нарушения жанровой нормативности в сербской научно-технической литературе. Известно, что по методическим предписаниям и установившимся традициям вузовские учебники (био)технического профиля лишены элементов беллетристики, поэзии, анекдотов, неприличных намеков и т.п. Однако в силу индивидуально-психологических особенностей личности автора и специфики общественных обстоятельств встречаются случаи (обычно на фоне издательского nepoтизма) уникального нарушения традиций (Внизу приводится один из таких случаев, которые почерпнуты из современного вузовского учебника²⁵).

В стереотипную рубрику «Технология производства (агротехника)» вклинивается **стихотворение**:

На великим површинама прихрањивање може да се изведе пољопривредном авијацијом
и то је најјефтинији начин прихрањивања.

4. Сетва пшенице

Завапи клица: желим нићи

Из мрака, до врхунца!

Из прслих груди ја ћу дићи

Најлепшу химну сунцу (Ј.Дучић)

За сетву пшенице користи се сортно, чисто семе без биолошких примеса и механичких нечистоћа ... (с.29)

Ср. двусмысленный (неприличный) намек с оттенком юмора (как подпись под рисунком):

Сисај, мој драги, сисај. Твој отац тврди да је то шећер (с. 125).

Примечательно, что представленные иллюстрации вводятся автором-ученым в текст спорадически, без обдуманного плана (в конкретном вузовском учебнике их насчитывается всего 5–6). В остальных же элементах авторского изложения выдерживается довольно жесткая архитектурная схема, стандартность изложения (согласно узусу научного стиля сербского языка). Подобных же случаев нарушения жанровых конвенций в русской научной речи нами не обнаружено. Это, наверное, и потому, что в российской

25 Приводимые цитаты относятся к учебнику: Ђ.Г. ламочлија, *Ратарство*, Београд, 1997.

культуре имеет место более строгий социальный²⁶ контроль текстовой деятельности.

3. Подводя итоги нашей попытке вычлнить (на материале научных текстов сербского и русского языков) универсальный механизм воздействия социокультурных факторов на текстовую деятельность в научной сфере общения, отметим следующее.

Подтверждается тезис о том, что язык в действии – это текстовая деятельность, вплетенная в другие виды деятельности. При таком подходе речевые жанры являются средоточием речеведчески ориентированной стилистики (включая сопоставительный аспект последней). Это потому, что не язык (код), а именно речь, отлитая в жанровые формы как продукты «социальной природы», способна вступать в непосредственный контакт с социокультурным контекстом. Поскольку связи между языком (речью) и другими компонентами культуры носят двусторонний характер, мы считаем, что взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимосодействия компонентов на получение полезного приспособительного результата.

Воздействие социокультурных факторов на текстовую деятельность в научной сфере общения реализуется посредством универсального механизма, получившего название «традиция». Динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых.

В социокультурном контексте письменная научная речь обычно функционирует как «институциональный»²⁷ дискурс».

Сопоставительным анализом сербской и русской научной речи выявлено, что при универсальном характере научного мышления и дискурса у ученых, принадлежащих к разным культурам, различия культурных традиций имеют

26 О роли социальных систем для изучения культуры ср.: «Вы не можете иметь особой науки о культуре. Вы можете только изучать культуру в качестве характеристики социальной системы. Поэтому, если вы стремитесь создать науку, то это будет наука о социальных системах» (Redcliffe-Brown 1957: 106).

27 Термин *институциональный дискурс* (дискурс, основанный на нормах определенного учреждения, института) употребляется в значении английского *institutional-based discourse* (Brooks and Grundy 1990: 34). Ср.: Словесная форма произведения «связывает его с внешним миром, служит знаком этого мира (внешняя форма, например, какой-либо статьи, помещенной в разных информационных органах – газете, журнале, книге, уподобляется в определенной степени конструктивным эталонам этих институтов)» (Брандес 1990: 38).

место даже в естественных науках. Выяснилось, что сербская культура (сравнительно с русской) отличается пониженной чувствительностью (то есть более высокой толерантностью) к нарушению стилевых норм и жанровых конвенций в научной сфере общения. Различия эти обусловлены, по всей вероятности, характеристиками социальных систем (и не в последнюю очередь – менталитетом народов).

Литература

- Абрамян Э.Г., 1978, *Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры*. – *Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума*, Ереван.
- Арутюнов С. А., 1989, *Народы и культура: развитие и взаимодействие*, Москва.
- Бахтин М.М., 1986, *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., Москва.
- Брандес М.П., 1990, *Стилистика немецкого языка*, Москва.
- Brookes, A., Grundy A., 1990, *Writing for study purposes: a teacher's guide to developing individual writing skills*, Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 162 p.
- Войтак М., 2000, *Стереотипизация и творчество в поэтической молитве. – Стереотипность и творчество в тексте*, Пермь, 47–64.
- Гамкрелидзе Т.Б., 1991, *Лингвистические аспекты реконструкции индоевропейской протокультуры*. – *Мировая культура. Традиции и современность*, Москва, с. 9–15.
- Gajda S., 1990, *Współczesna polszczyzna naukowa. Język czy żargon?*, Opole.
- Головин С.Ю., 1997, *Словарь практического психолога*, Минск.
- Изинг Э., 1977, *Научно-техническая революция и социолингвистические проблемы культуры языка*. – *Научно-техническая революция и функционирование языков мира*, Москва, с.217–224.
- Kaplan, R.B., 1966, *Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education*, Language Learning 17, 1–20.
- Кожина М.Н., 1998, *Речеведческий аспект теории языка*, „Stylistyka” VII, с. 5–31.
- Крысин Л.П., 1976, *Речевое общение и социальные роли говорящих*. – *Социально-лингвистические исследования* (Под редакцией Л.П. Крысина, Д.Н. Шмелева), Москва, с.42–52.
- Лабов У., 1976, *Единство социолингвистики*. – *Социально-лингвистические исследования* (Под редакцией Л.П. Крысина, Д.Н. Шмелева), Москва, с.5–30.

- Лурье С.В., 1998, *Историческая этнология. Учебное пособие для вузов*, 2-е изд., Москва (файл с полным текстом учебника в формате html, <http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology>)
- ЛЭС, 1990, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Маркарян Э.С., 1981, *Узловые проблемы теории культурной традиции*, «Советская этнография», № 2.
- Redcliffe-Brown A.R., 1957, *A Natural Science of Society*. Glencoe, IL: Free Press.
- Стоянович А., 1996, *Об элементах эмоциональности в научной литературе (на материале сербского языка)*, „Slavica Tarnopolensia 3. Laboratorija slavističkih studija Terнопільського державного педагогічного інституту”. Тернопіль, 1996, с.5–15.
- Стоянович А., 1998, *Авторская самооценка в аспекте стереотипизации (на материале сербской филологической статьи)*. – *Текст: стереотип и творчество*, ред. М.П. Котюрова, Пермь, с. 75–106.
- Stojanović A., 1999, *Istraživanje teksta: o interakciji*, „Stylistyka” VIII, str. 193–204.
- СЭС, 1998, *Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках*, Москва.
- Троянская Е.С., 1982, *Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы*, Москва.
- ФЭС, 1997, *Философский энциклопедический словарь*, Москва.
- Чистов К.В. *Традиция, “традиционное общество” и проблема варьирования*, «Советская этнография», 1981, № 2.
- Shils E., 1981, *Tradition*. L., Boston: Faber and Faber.

The Scientific Text in the Cultural Context

In this paper, it is emphasised that “tradition” represents the main mechanism by means of which the production of scientific texts is regulated.